

членом комитета комсомола школы, членом комсомольского бюро факультета. Главные черты Берты-лидера — принципиальность и неравнодушие к людям и порученному делу. Была прямой, иногда бескомпромиссной, но всегда справедливой. Если обстоятельства требовали, могла быть жесткой, хотя это бывало нечасто.

А в обычной жизни это был добрый (но не добренький!), отзывчивый, дружелюбный человек. Ответственность и требовательность проявляла в первую очередь по отношению к самой себе. Доброта часто маскировалась внешней твердостью, но самоотверженность видна была невооруженным глазом.

Берта прожила непростую жизнь. Ей пришлось пережить трагическую смерть любимого младшего брата, тяжелые и длительные болезни самых близких ей людей и многие другие горести. Но она всегда оставалась верной себе, своим жизненным принципам, своему характеру, не допуская фальши, нечестности, эгоизма.

Последние годы она героически (не побоюсь этого слова) боролась с прогрессирующей неизлечимой болезнью. Очень поддерживала её в этой борьбе увлеченность работой, без которой она себя не представляла. Еще в первой половине июля этого года она две недели замещала директора гимназии, потому что еще весной обещала дать ему возможность поехать в санаторий, и запретила нам говорить коллегам об обострении своей болезни. А она уже ходила с большим трудом...

Мечтала первого сентября выйти на работу, чтобы выпустить два любимых одиннадцатых класса, которые вела до этого два года.

По отношению к членам семьи и самым близким друзьям она проявляла наряду с огромной любовью настоящее самопожертвование, большую заботу и ответственность. Берта регулярно напоминала и требовала вовремя пойти к врачу, провести обследование, необходимое лечение и обязательно это контролировала.

Из последних сил она занималась приобретением подарков ко всем нашим знаменательным датам и организовывала их празднование.

Занималась с детьми и внуками наших друзей, готовила их к поступлению в институты, помогала в занятиях, переживала за устройство их личной жизни. Во многом благодаря Берте очень близко дружим не только мы, но и наши дети и внуки; другое такое уникальное сообщество мне неизвестно. В сущности, мы давно стали одной семьей, хоть большинство из нас — не кровные родственники.

Когда Берта попала в реанимационное отделение, она понимала, что каждый день может быть последним. А в эти дни должна была появиться на свет правнучка наших самых близких друзей, сына и двух внуков которых она не только учила, но и справедливо считала своими детьми. Каждый день, приходя ненадолго в сознание, она спрашивала, родилась ли девочка. Казалось, она не хотела, чтобы день её ухода совпал с днем рождения ребёнка. Берта дождалась этого радостного события и умерла только на следующий день. Скажете — мистика? Может быть, не знаю. Но точно — сильная воля и привычка заботиться о близких.

24 августа 2012 года Берты Ефимовны Гаузер не стало. Попрошаться с ней во двор гимназии пришли несколько сотен человек — родных, друзей, коллег, выпускников, учеников и их родителей. Как говорили потом многие из них, такого искреннего, многолюдного и трогательно оформленного прощания люди не помнят. Большинство присутствовавших плакали; завул гимназии, выступавшая от имени коллектива, от слёз не могла говорить. Рыдали и дети, и взрослые. Я видел, как шестидесятилетний мужчина, бывший ученик

Берты, сын и дочь которого тоже учились у неё, плакал навзрыд.

Многие выступавшие говорили, что смерть Берты Ефимовны — потеря не только для гимназии, но и для всего города, так много добра она сделала для очень многих людей.

По телефону и Интернету со мной связывались и выражали соболезнования десятки друзей и родственников из разных стран и континентов. По образному выражению одного из её выпускников, "Интернет гудел". Казалось, весь мир скорбил об её уходе.

Не хочется заканчивать этот рассказ на такой грустной ноте.

Берта любила жизнь и умела радоваться ей — не восторгаться шумно и эмоционально, а именно радоваться, и это выражали, прежде всего, её глаза. Я видел их в течение всей нашей долгой жизни: когда в Крыму, на перевале у Чатыр-Дага, мы неожиданно вышли к небольшой полянке, сплошь усеянной мелкими фиалками; когда тихо пели у догорающего костра (она сама не пела никогда) и смотрели на перебегающие по углям огоньки; когда плыли на лодке по протокам и озёрам Игнарины, среди белых лилий и кувшинок; когда сидели среди сосен на песчаных дюнах в тихих немногочисленных местах на Рижском взморье; когда ранним утром после случайной ночёвки на опушке леса она откинула полог палатки и обнаруживала на траве капельки росы; когда мы любовались Ленинградом в белые ночи, или деревянными храмами в Кижях, или волжскими плёсами; или часами гуляли по лесу, собирая багряные листья; или сидели на берегу Днестровского лимана и смотрели на заходящее солнце, или перебирали кусочки разноцветной яшмы в Сердоликовой бухте под Кара-Дагом; или смотрели с перевала на подёрнутые дымкой предвечерние Карпаты. Об этом можно вспоминать бесконечно.

Её глаза — первое, что я видел, выходя из наркоза на больничных койках после нескольких операций в разные годы.

Вспоминаю её глаза, когда она смотрела на первые шаги нашей дочери, потом — внука, а совсем недавно — уже в этом году — правнучка.

А когда общалась с друзьями — в застольях, которые с удовольствием и выдумкой организовывала, в многочисленных поездках, в нескончаемых разговорах на самые разные темы, она преобразилась и становилась опять другой, оставаясь при этом всегда самой собой — нашей Бертой. Моей Бертой...

Жизнь продолжается, придут новые молодые учителя, которые будут учить детей, а потом их выпускники будут приводить к ним своих детей.

Каждый год 1 сентября будет проводиться торжественная линейка, которая всегда была для Берты волнующим событием. А весной будут праздновать последний звонок, и маленькая девочка с огромным бантом будет радостно трезвонить колокольчиком на плечах рослого выпускника. И будут выпускные вечера, организации которых Берта отдавала столько душевных сил. И новые поколения будут встречать восход солнца...

Берта будет жить в памяти нашей замечательной дочери Лены — прекрасного врача, много лет продлевавшей её жизнь и облегчавшей её последние дни. О ней всегда будут тепло вспоминать трепетно любивший её внук Павел и все наши дорогие друзья разных поколений. Когда подрастёт наш правнук, ему тоже расскажут о прабабушке Берте.

Наверное, я, как муж, необъективен и что-то преувеличил. А может быть, недосказал, и люди, знавшие Берту, смогли бы дополнить мой рассказ другими словами, мыслями, чувствами.

Уверен в одном: Берта будет жить в наших сердцах и сердцах многих других людей столько, сколько будем жить мы. А значит, и её жизнь продолжится.

Мария ГУДЫМА

"Ваши плечи каррарского мрамора..."

Спасибо Одесскому муниципальному музею личных коллекций, организовавшему проект "Моя молодая бабушка", к которому я радостно прикмула, принесла несколько старых фотографий и сумочку-ридикюль. Одесские бабушки поистине достойны быть представленными в музеях, это поняли все, кто посетил экспозицию в нынешнем мае — июне. Признаюсь, я никогда не видела мою бабушку молодой — она родила мою маму достаточно поздно и была уже старенькой, впрочем, далеко не дряхлой, а крепкой и статной. Ее коронное блюдо, пирог "Кольцо", который сотворила она из брусков вареного крема (да-да!) в форме "Чудо" на примусе, а затем на электроплитке в коммунальной квартире без кухни, по вкусу превосходил любые бисквиты. А еще он был красив, как и она сама.

Я никогда не видела и, думаю, уже не увижу женщину, превосходящую красотой мою бабушку в молодости. Мраморные плечи, идеальной формы подбородок, крупные изогнутые губы, прямой носик, каштановые слегка выющиеся волосы, глаза серые в карюю крапинку (как у голливудской звезды Милы Йовович) — словами это уникальное сочетание черт, сложившихся в идеальный типаж женщины двадцатых — тридцатых годов, не передать. Передают несколько пожелтевших, но зато отменного качества старых фотографий. Их мало. Другая бы на ее месте только и делала, что фотографировалась. Или даже вообще стала бы кинозвездой. Но моя бабушка никогда не делала ставку на свою внешность, может быть, напрасно...

Обладая телом античной лепки, она получила греческое имя — Лидия. Лидия Андреевна Демишкан. Родилась в 1901 году, прожила 83 года, как все в нашем роду. Имя греческое, а греческих кровей не было, хотя могли бы быть, ведь к прабабушке Мане, Марии Ивановне Тесличенко сватался богатый грек-купец, но ведь она предпочла прадедушку Андрея Саввича Демишкана, простого вдовца-счетовода с дочерью от первого брака. Вот аристократическая красота у их пятерых детей была именно от него. В крахмальном воротничке и с подкрученными пушистыми усами он смотрелся, как Мопассан, только лучше. По его словам, в нашем роду были французы.

Если бы бабушку Лиду отдали в гимназию, она бы выучила язык своих предков. Но, увы, в гимназию отдали ее старшую сестру, а на нее как-то денег не хватало, а потом и революция грянула. Прабабушка Маня продавала вначале вышитые скатерти из своего приданого, потом свои платья, потом вещи детей, и в самую последнюю очередь — костюмы мужа. Дети с малых лет старались ей помочь, бабушка Лида, здоровая, крепкая и работящая, батрачила у зажиточных евреев и вместо французского в совершенстве выучила идиш. Разговорный, разумеется. Порусски она едва умела читать. Однако знала, как отшить назойливого кавалера, сообщив ему, что он герой не ее романа. А вообще-то речь у нее была, как у бабелевского персонажа: "билё", "веровка", "имейте человечество" и так далее... Еще одно ее крылатое выражение: "Подмыться им до меня (него, нее, них — ненужное зачеркнуть, — М. Г.)". Так вот, всем этим хваленным кинозвездам двадцатого века с их фальшивой красотой и фарфоровыми зубами подмыться было до моей бабушки! Просто она всегда оказывалась не в тех местах и не в то время.

В браке с не менее красивым, но гораздо более коварным дедушкой Петей, Петром Ильичом Гудымой, бабушка родила двух красавиц-дочерей, моих тетю Валю и маму Лену. Причем маму рожала она во время оккупации, дома, без врачей, при помощи соседки. Чтобы прокормиться, убирала и готовила, в том числе и для оккупантов, пусть за это краснеют те, кто дал приказ оставить Одессу с беззащитными беременными женщинами. Продавала все, что успела нашить, в том числе и лисью горжетку, оставшуюся только на одной из фотографий.

Дедушка с войны в семью не вернулся, так что хлебнула по полной. Более того — дед

отказался признавать себя отцом моей мамы со всеми вытекающими отсюда печальными обстоятельствами, и это при том, что мама похожа на него до смешного, и генетической экспертизы не надо. Впрочем, справедливость в какой-то степени восторжествовала: буквально перед своей смертью дед сделал попытку примирения, бросился к маме при куче родственников, называя доченькой, но она так и не смогла шагнуть ему навстречу, ей казалось, это будет предательством бабушкиной памяти... Легко говорить, что надо уметь прощать, но как понять человека, угрожавшего жене с двумя дочками сдать ее в сигуранцу, если она будет настаивать на алиментях? А именно так дед Петя прореагировал на бабушкины просьбы, когда она во время оккупации встретила его, вроде бы ушедшего на фронт, в рыбном ряду "Привоза" с новой супругой (дед был рыбаком и продавал улов). Так что дедушке спасибо за гены, и пусть покоится с миром, он сам себя наказал за совершенное. О нем более ни слова.

А бабушка трудилась банщицей много лет в уже не существующей бане на Гаванной, у самого спуска, там мылся практически весь центр города. И мрамор ее плеч соперничал с мрамором уникальных ванн (где они теперь, эти ванны?), которые досила она до блеска. А однажды зимой поскользнулась на льду и сломала правую руку. По большому счету в конце сороковых не платили, так что пришлось продать из дома все до последней табуретки. И, разумеется, несколько красивых креп-жоржетовых и кашемировых платьев, которые успела себе справиться после войны. А больше нарядов у нее не было. И мужей тоже. Видно, любила своего Петю крепко (ну снова о нем, из песни слова не выкинешь), поскольку до конца жизни вспоминала его, называя не иначе, как "этот гнусный паразит". Ну сколько страсти в этом определении, согласитесь. Память сыграла с ней забавную штуку. Она, бывало, говаривала: "Пришел вечером домой, уложили детей, поужинали, поцеловались, легли спать..." И словно забывала в этот момент, что никогда, ни разу они вместе не укладывали спать ДЕТЕЙ, только старшую дочь Валеньку, мою тетю, появившуюся на свет до войны...

Поскольку бабушка, будучи Скорпионом по Зодику, обожала все натуральное, добротное, до меня дошла ее сумочка-ридикюль из натуральной кожи, купленная в пятидесятых. Слегка потертая, еще хранящая тепло бабушкиных рук, эта сумочка иногда бывает со мной в театрах. И в экспозиции музея Блещунова побывала. Может быть, кто-то посмеется над таким наследством, но что до этого мне, внучке самой красивой женщины на свете?

Бабушка с внуком